

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

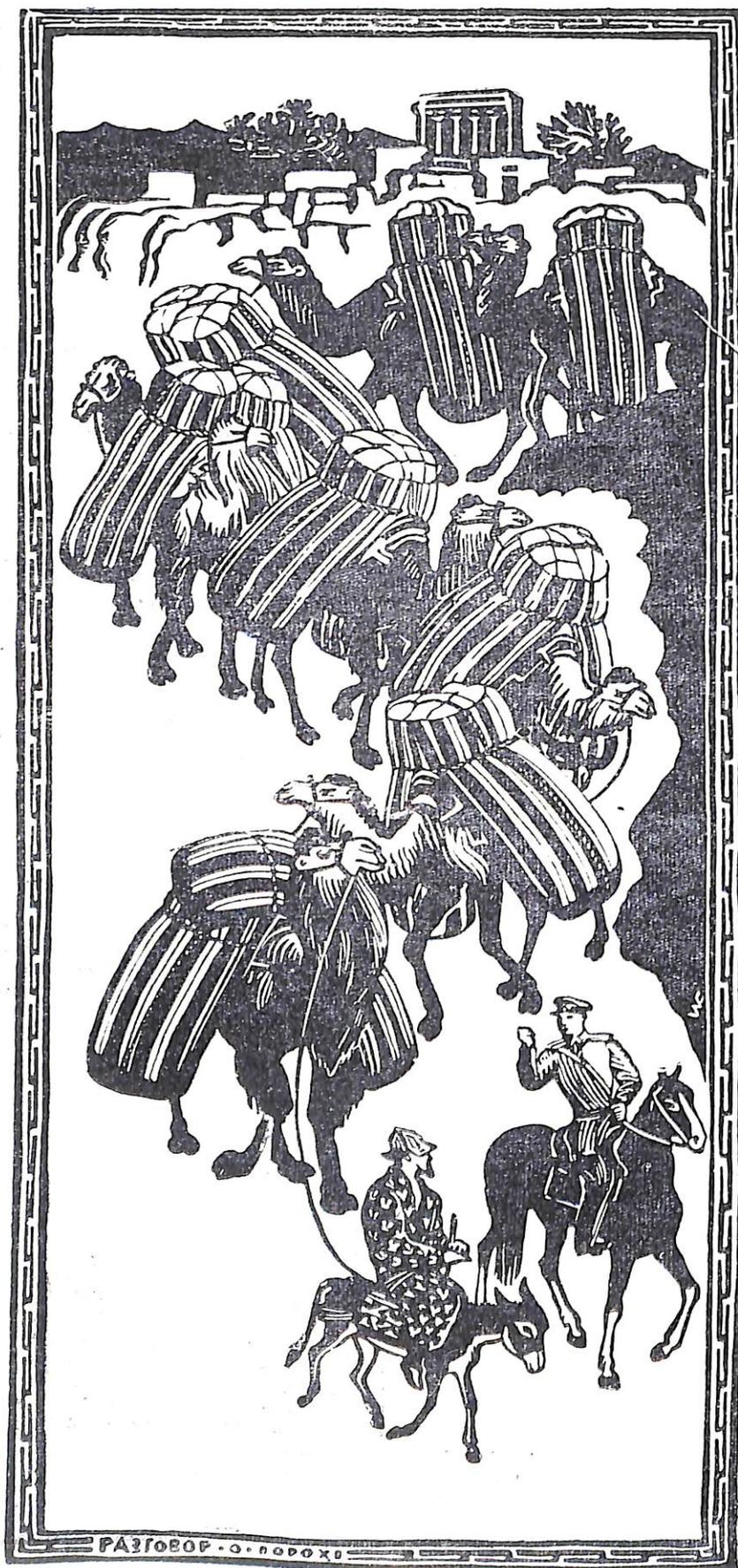
ВОСТОК

МОЖЕТ быть, в самой природе изобразительного искусства заключено тяготение к миру красочному и устойчивому, где счет идет не на годы, а на тысячелетия, созерцательному и поэтически наивному, чем так полна жизнь Востока. И вместе с тем старое и новое, традиционные устои и признаки современной жизни выступают здесь в особо колоритном переплетении и живых контрастах.

Встреча с Востоком почти неизбежна для современного художника — будь то книжное знакомство с шедеврами восточного искусства или прямое общение с его жизнью. Прикоснувшись к Востоку, русский художник всегда обретал удивительный, новый мир для своего творчества.

В биографиях многих русских художников есть своя «восточная» страница. В киргизских степях еще до революции нашел себя Павел Кузнецов, чтобы потом не раз вернуться в своих холстах и акварелях к Востоку. Цикл рисунков «Самаркандия» оставил нам другой замечательный мастер — К. С. Петров-Водкин. Прошедшая в московском Музее искусства народов Востока выставка «Старейшие советские художники о Средней Азии и Кавказе» напомнила, что П. Кончаловский, Е. Лансере, А. Шевченко, Р. Фальк, К. Редько, А. Древин, А. Кравченко, И. Нивинский и многие другие отдали дань этой теме.

Владимир Андреевич Фаворский приобщился к Востоку уже зрелым мастером. Он шел к нему исподволь, словно не торопясь, и осознал его в полную силу своего таланта и мастерства. Началом послужила маленькая книжка «Поэзия народов СССР», для которой он сделал в 1935 году несколько гравюр, а через два года он исполнил для Всемирной выставки в Париже рельеф «На-

РАЗГОВОР О ПОРОХЕ

В. Фаворский. Самарканд. Караван. Разговор о порохе. Линогравюра. 1943 год.

роды СССР», за который ему была присуждена высшая награда выставки — «Гран при».

Но все это еще только подступы к теме. Дальше его ждала работа над калмыцким эпосом «Джангар», работа, как нельзя лучше отвечающая его собственным устремлениям — ведь незадолго до того он закончил первый вариант гравюрной сюиты к русскому эпосу «Слово о полку Игореве», и, как он сам говорил, «познакомиться с полем, со степью мне было очень интересно». Для Фаворского это означало «познакомиться с интересной и своеобразной культурой, которая, будучи незнакомой и даже удивительной, может стать мне близкой и понят-

Героев старинного эпоса, начинавшегося словами: «Это было в начале времен, в стародавний век золотой», — Фаворский увидел в современных ему людях. В своих гравюрах он как бы соединил историю с современностью.

Традиции древнего искусства в Калмыкии столь живы, а эпос «Джангар» известен не только как памятник культурного наследия; оказалось, что он был знаком едва ли не каждому калмыку, жил как народные песни, распеваемые современными джангарчи. Художника поразили самый тип современного калмыка, сохранившего многие черты героев эпоса, их достоинство, характер, даже повадку, их нравст-

В ГРАВЮРАХ В. ФАВОРСКОГО

Ю. МОЛОК

ной». Вместе с поэтом и переводчиком С. Липкиным и калмыцким поэтом Баатром Басанговым летом 1939 года Фаворский совершил путешествие по Калмыкии.

Увлечен его рассказ об этом путешествии: «У меня такое чувство, что я первый художник со стороны попал в эту страну и наоткрывал там всяких чудес». С добросовестностью ученого-этнографа изучал он быт, костюмы, самый тип и характер этой древней народности, жившей некогда в Центральной Азии и тесно связанной с восточной культурой.

Интересны наблюдения Фаворского над калмыцким орнаментом. Своей строгой, почти геометрической красотой он напомнил ему мотивы греческого меандра¹, но иного, восточного характера, обнаружившего себя в том, с какой свободой, «не стесняясь», орнамент огибает и прямоугольную, и круглую, и овальную форму. «Я был рад, от этих мотивов повеяло на меня классикой Востока». Все это потом вошло в книгу.

«Джангар» был, пожалуй, первой книгой Фаворского, в которой он так широко использовал мотивы национального орнамента. Пущенный по вертикали, сверху вниз, он уподобляет страницу современной книги древнему свитку. Не случайно и то, что орнамент гравирован для книги в два цвета, в две доски. Это как бы двупланный орнамент — один узор пущен по другому, — применяемый для того, чтобы избежать чистой плоскости, углубить поверхность, прием очень в духе восточного искусства.

Но даже здесь Фаворский меньше всего хотел остаться только искусственным стилизатором. Впустив в орнамент изображения зверей, птиц, рисунок трав, он как бы превращает его в пейзаж, и на каждой странице книги живет это напоминание о калмыцких степях, но живет по-особому, музыкально. Это была своего рода попытка ввести принципы европейского искусства в восточную традицию — ведь, как известно, на Востоке изобразительный мотив на протяжении многих столетий заменялся декоративным.

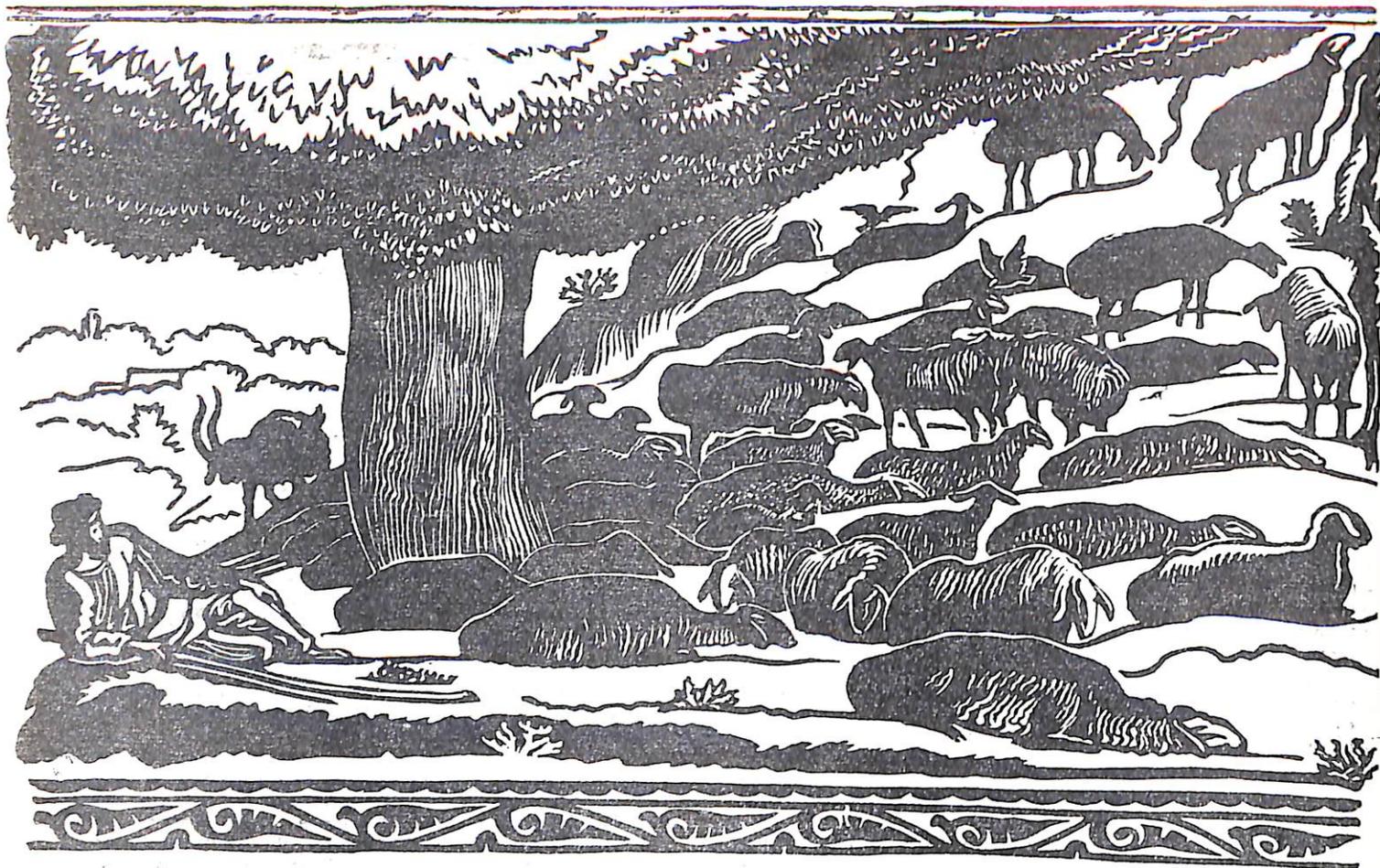
венную и физическую красоту. Давид Кугультинов вспоминает советы, которые ему юношей пришлось услышать там, в Калмыкии, от русского мастера, и среди них едва ли не главной была тема «художник и материал». Поэту запомнился рассказ Фаворского о том, как учат мастерству художника, как специально опускают край полотна в воду и ставят задачу передать эту живую пластику материала. По мысли Фаворского, так и поэт должен чувствовать слово, как художник — дерево или камень.

В работе над книгой Фаворскому помогли ученики: Г. Ечеистов, Т. Козулина, Ф. Константинов, Л. Мюльгаупт, В. Федяевская, В. Фарбер и среди них сын художника Никита Фаворский. По его рисункам они награвировали ряд иллюстраций, а некоторым из них принадлежали и самостоятельные композиции. Напечатанное в 1940 году в Москве иллюстрированное издание «Джангара» явилось, таким образом, результатом творчества целой школы русских художников-гравюров — «школы Фаворского». Работа эта, пробудив интерес

В. Фаворский. Самарканд. На базар.
Линогравюра. 1943 год.

¹ Меандр — распространенный тип геометрического орнамента в виде ломаной или кривой линии с завитками.

*В. Фаворский. Самарканд. Отдых стада.
Линогравюра. 1943 год.*

к Востоку, сыграла свою роль в судьбе его многочисленных учеников и последователей, от М. Пикова, иллюстрировавшего еще в середине 30-х годов «Лирику» Хафиза, а позднее книги стихов Навои, Бо Цзюй-и, Ду Фу, до одного из последних учеников Фаворского — Гурия Захарова, исполнившего несколько лет назад в гравюре на линолеуме превосходный лист «Хива».

Во время войны Фаворский оказался в Самарканде. Восток, один из самых прекрасных и благодатных уголков его, неторопливо и глубоко укоренялся в сознании художника. «Мало с натуры работаю, все больше собираюсь», — писал он из Самарканда своему другу художнику Л. А. Бруни, известному своими иллюстрациями к «Лирике» Низами. — Но как-то этот Восток входит в тебя, и орнаменты, и люди, и звери, и архитектура, и начинаешь что-то понимать в здешнем и компоновать». Сохранились многие его карандашные рисунки той поры. Очень ясные и пространственные, начисто лишённые всякой экзотики, на чем споткнулось столько художников, они исполнены суровой, почти эпической монументальности. Такой строй их был подсказан не только величественным характером самого среднеазиатского пейзажа. Пейзаж этот был увиден русским художником, продолжающим монументальную традицию русского искусства, идущую еще от русских икон или библейских пейзажей Александра

Иванова, он был нарисован в трудные военные годы, и печать их лежит на рисунках. На фронте погибли оба его сына, старший, Никита, еще недавно помогавший отцу в работе над «Джангаром», и младший, Иван, обещавший стать интересным художником.

Здесь, в Самарканде, состоялась в 1943 году персональная выставка произведений Фаворского, и на ней впервые были показаны первые листы его самаркандской серии линогравюр — быть может, самое значительное из работ, что он посвятил Востоку.

Вся серия насчитывает восемь листов: «Караван. Разговор о порохе», «Ослики», «Отдых стада», «С базара», «На базар», «Верблюжий базар», «Арба», «Пастыба верблюдов» — сюжеты обыденные для этого края. Однако мало кто из художников был способен отвлечься от красот среднеазиатской архитектуры и вдохновиться сюжетами как будто самыми простыми — как принято их называть, жанровыми — и при этом выразить значительность, мудрость, самый дух народной жизни в форме подлинно эпического повествования. Тонкое понимание Средней Азии, где орнаментальное начало живет не только в узоре минаретов или мечетей, костюмах и посуде, но, кажется, входит в самую жизнь, обнаружилось уже в одном из первых листов Фаворского «Караван. Разговор о порохе». Подчеркнуто узкому, сильно вытянутому по вертикали лис-

ту, обрамленному строгой орнаментальной рамкой, отвечает ритмическое движение верблюдов, груженых полосатыми выюками, само образующее изысканный, почти орнаментальный узор, хотя гравюра и заключает в себе вполне реальный изобразительный мотив шествия каравана, неторопливой беседы пожилого узбека, едущего на ослике, с офицером Красной Армии на лошади. В других листах орнаментальный мотив, ограничивая край листа, проникает все изображение, заставляя нас оценить красоту, выразительность и пластическое совершенство каждой фигуры, каждого жеста, каждого штриха.

Этим не закончилось «путешествие на Восток» русского мастера. Летом 1946 года он побывал в Киргизии, на озерах Иссык-Куль, Чатыр-Куль, в Таласской долине, приготавливаясь к иллюстрированию киргизского эпоса «Манас». Снова масса рисунков, портретов, пейзажей, снова изучение народных типов и обычаев. Об этой поездке напомнила недавно нам небольшая книжка, изданная в 1966 году во Фрунзе, книга с его лекциями о рисунке и композиции, прочитанными тогда в Киргизии, где он тоже оставил учеников или последователей. Бесспорно, что в том интересе к гравюре, которым отмечен сегодняшний день среднеазиатского искусства, виден след влияния Фаворского, его идей, его советов, его собственного подвижнического примера.

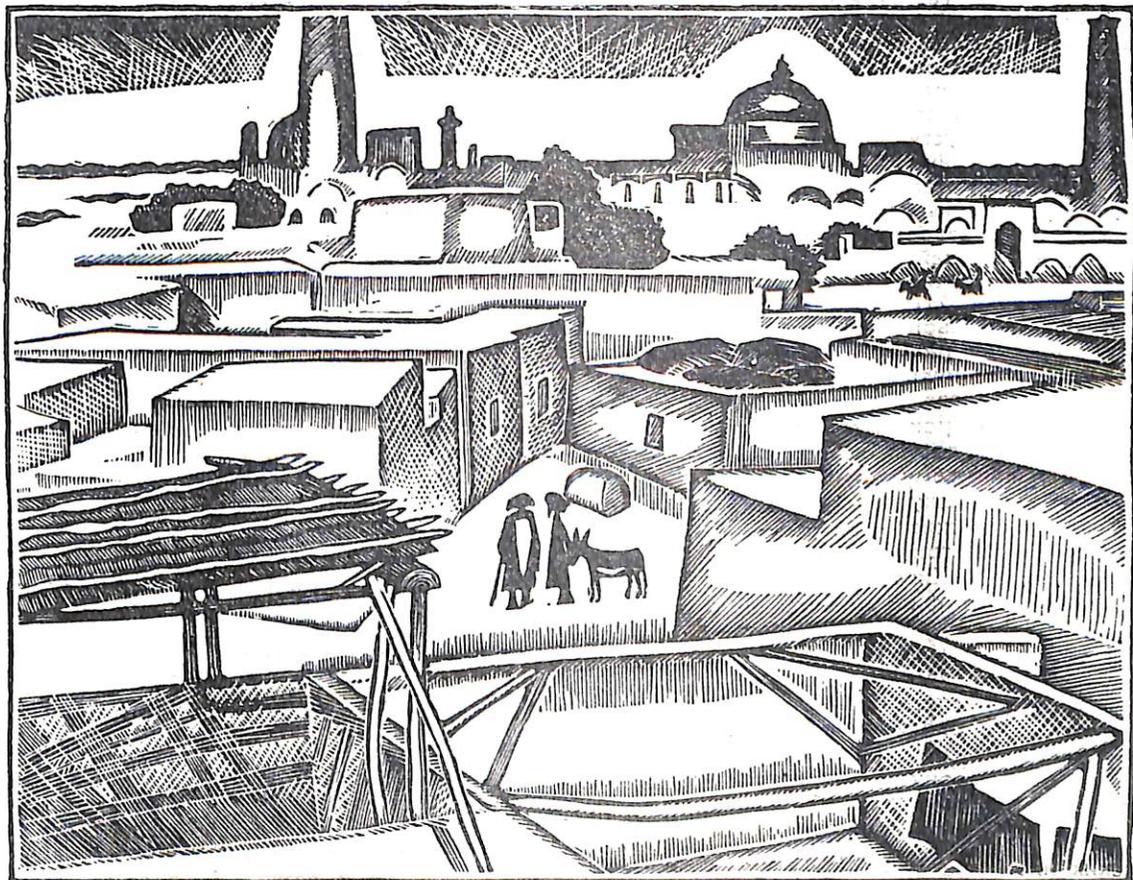
Иллюстрирование «Манаса» Фаворским не состоялось. Но когда через несколько лет он снова приступил к работе над «Словом о полку Игореве», эти новые, широко известные и признанные его иллюстрации больше походили теперь не на преж-

М. Пиков. Гравюра к «Лирике» Хафиза. 1935 год.

ний, довоенный вариант, а на гравюры к «Джангару» или серию «Великие русские полководцы», начатую им еще в Самарканде. У Фаворского появилось то живое ощущение истории — как самой жизни, а жизни — как эпоса, что так пленяет в его самаркандских линогравюрах.

Можно сказать, что в искусстве Владимира Андреевича Фаворского по-своему соединились история и современность, восточная и собственно русская традиция.

Г. Захаров. Хива. Линогравюра. 1963 год.